ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ С. Б. БРОНЕВСКАГО.

ИМЯ СЕМЕНА Богдановича Броневскаго принадлежитъ исторіи Сибири. Онъ прибылъ сюда въ 1808 году, 22 лѣтъ отъ роду, имѣя чинъ подпоручика и званіе дивизіоннаго адъютанта. До этого времени онъ служилъ на Кавказѣ, въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку, куда былъ выпущенъ прапорщикомъ въ октябрѣ 1803 года изъ Шкловскаго кадетскаго корпуса. Прослуживъ въ Сибири безпрерывно 29 лѣтъ, Броневскій оставилъ ее въ 1837 году въ чинѣ генералъ-лейтенанта и въ званіи генералъ-губернатора. Такимъ образомъ, свыше четверти столѣтія посвятилъ онъ тяжелымъ трудамъ въ этомъ отдаленномъ краѣ, оставивъ по себѣ въ его исторіи прочный слѣдъ: Броневскій учредилъ первыя русскія колоніи въ киргизской степи, принималъ самое дѣятельное участіе въ устройствѣ сибирскаго линейнаго казачьяго войска, защищающаго границы Западной Сибири, а въ Восточной привелъ въ исполненіе мысли правительства объ образованіи военныхъ силъ, которыхъ при прежнемъ гражданскомъ начальствѣ почти не существовало. Послѣ 1837 года Броневскій переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ сдѣланъ сенаторомъ, первоприсутствующимъ въ департаментахъ межевомъ и 4-мъ. 18 февраля 1858 года тѣсный кружокъ близкихъ людей проводилъ на Митрофаніевское кладбище бренные останки заслуженнаго администратора, въ послѣдніе годы своей жизни бывшаго въ отставкѣ и скончавшагося на 72 году.

По словамъ одного некролога [1]), Броневскій «жилъ и служилъ истинѣ, преданный до послѣдняго изгиба сердца царю и отечеству. Въ почестяхъ, — Броневскій не искалъ ихъ; не разъ поставленный у источниковъ богатства, — не думалъ о стяженіи; долгу и чести онъ не измѣнялъ ни на минуту. Въ проявленіяхъ своего характера, вообще прекраснаго, наблюдалъ постоянную ровность, не дозволяя себѣ ни малѣйшей кичливости и гордости. Доступный всегда и

[1]) См. «С.-Петербургскія Вѣдомости» отъ 7 марта 1858 года, № 52.

вездѣ, онъ великодушно выслушивалъ всѣхъ и каждаго съ одинаковымъ вниманіемъ, и никто не уходилъ отъ него неудовлетвореннымъ, на сколько то дозволяла справедливость. Самые преступники не были лишены его ближайшаго попеченія: онъ посѣщалъ ихъ въ мѣстахъ заключенія, наставлялъ и утѣшалъ. Броневскій посильно благодѣтельствовалъ вездѣ и всѣмъ, заботясь съ рѣдкимъ вниманіемъ о самыхъ отдаленныхъ частяхъ Сибири. Поэтому и сибяряки - отъ чиновника до полудикаго киргиза и поселенца—глубоко любили и нелицемѣрно уважали своего начальника». По словамъ того же некролога, имя Броневскаго, связанное съ воспоминаніями о цѣломъ рядѣ добрыхъ и полезныхъ дѣлъ, стало въ Сибири народнымъ.

Знаменитый Сперанскій, обозрѣвая Сибирь съ цѣлью составить для нея новое положеніе, въ молодомъ гвардейскомъ капитанѣ, исправлявшемъ тогда должность атамана казаковъ, нашелъ человѣка въ уровень съ высокими предначертаніями правительства. По предложенію Сперанскаго, Броневскій, съ производствомъ въ полковники, былъ назначенъ первымъ начальникомъ вновь образованной Омской области, изъ которой гражданственность и просвѣщеніе должны были разлиться въ дикихъ степяхъ Средней Орды. Затѣмъ, императору Николаю I достаточно было двухъ часовъ бесѣды съ Броневскимъ, чтобы при первомъ случаѣ назначить его въ чинѣ генералъ-маіора генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири. Что служебныя дѣйствія Броневскаго не были ниже надеждъ государя, можно судить потому, какъ неохотно императоръ согласился на оставленіе имъ Сибири.

Послѣ Броневскаго остались обширныя и неоконченныя имъ записки. Благодаря любезности вдовы его, мы печатаемъ здѣсь три отрывка изъ этихъ записокъ: первый содержитъ описаніе пребыванія Броневскаго въ Шкловскомъ кадетскомъ корпусѣ, во второмъ разсказывается о нѣкоторыхъ эпизодахъ изъ персидской войны, веденной Россіей изъ-за обладанія Грузіей, и въ третьемъ описывается интересное свиданіе Броневскаго съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

I.

Отецъ мой былъ капраломъ бомбардирской роты лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. По преданію, онъ былъ замѣчательнымъ стрѣлкомъ: въ присутствіи генералъ-фельдцейхмейстера графа Шувалова онъ сдѣлалъ въ минуту съ тремя рядовыми изъ единорога 32 выстрѣла, за что повышенъ чиномъ и вышелъ въ отставку прапорщикомъ гвардіи. Женясь и устроивъ хозяйство (свое помѣстье въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи), отецъ мой поступилъ на службу совѣтникомъ тверскаго губернскаго правленія. Я былъ взятъ изъ дома въ Тверь и опредѣленъ въ дворянское училище.

Когда я и братъ мой нѣсколько подросли, насъ въ январѣ 1799 года опредѣлили въ Шкловскій кадетскій корпусъ, начальникомъ котораго былъ С. Г. Зоричъ, другъ моего дяди Семена Михайловича. Вскорѣ, по случаю пожара, истребившаго огромное

зданіе корпуса, послѣдній былъ переведенъ въ Гродно, гдѣ и помѣстился въ Новомъ королевскомъ замкѣ, на высокомъ берегу рѣки Нѣмана. Въ этомъ замкѣ, въ огромной трибунальской залѣ съ хорами, часто давались балы, на которые приглашали нѣсколькихъ кадетъ. Очень порядочный театръ, на которомъ давали драмы, комедіи, а иногда и балетъ, открытъ былъ для кадетъ безплатно.

С. Г. Зоричъ, уроженецъ Сербіи изъ благородной фамиліи Неранжичъ, еще въ молодости пріѣхалъ въ Россію, спасаясь отъ тогдашнихъ турецкихъ неистовствъ надъ христіанами, со многими сербами, валахами и черногорцами, чтобы стать въ ряды войскъ Великой Екатерины. Зоричъ вступилъ въ гусарскій полкъ, и когда графъ Задунайскій нещадно громилъ мусульманъ, Зоричъ отличился слѣдующимъ подвигомъ. Однажды онъ врѣзался съ своимъ эскадрономъ въ толпу турокъ такъ глубоко, что вмѣстѣ съ нѣкоторыми подчиненными былъ взятъ въ плѣнъ. Головы плѣнныхъ уцѣлѣли только благодаря его находчивости. Зоричъ на турецкомъ языкѣ назвалъ себя по фамиліи, которая уважалась въ Сербіи и пользовалась въ народѣ авторитетомъ, что туркамъ было извѣстно. Зорича и всѣхъ русскихъ пощадили, отвезли въ Видинъ, гдѣ Зоричъ принятъ былъ пашею съ уваженіемъ; связь его съ любимою изъ женъ паши доставила несомнѣнныя выгоды всѣмъ плѣннымъ, томившимся въ нищетѣ. Зоричъ пріобрѣлъ довѣріе паши, ежедневно ѣздилъ на славныхъ лошадахъ съ пашинской конюшни, гуляя по окрестностямъ съ вооруженнымъ конвоемъ; всегда онъ возвращался въ назначенное время; но въ одинъ прекрасный день, выбравъ лучшаго скакуна и обманувъ конвой, Зоричъ унесся на русскіе аванпосты. Турки стрѣляли, кричали и все-таки не могли догнать удальца, будучи на болѣе слабыхъ лошадяхъ. Трудно было бы спастись отъ преслѣдователей, если бы на пути не встрѣтился ручей съ обрывистыми берегами, который лошадь Зорича перелетѣла однимъ скачкомъ, какъ птица, ударясь однако головою о кустъ и повредивъ себѣ глазъ, впослѣдствіи выболѣвшій. Пока турки отыскивали удобное мѣсто для переѣзда, Зоричъ былъ уже далеко. Пріѣхавъ въ русскій лагерь, онъ былъ представленъ Потемкину, который, обласкавъ его, пожаловалъ въ слѣдующій чинъ и отправилъ при первомъ случаѣ въ Петербургъ къ государынѣ. Здѣсь фортуна начала баловать Зорича больше, чѣмъ можно было ожидать. При дворѣ онъ понравился дамамъ, особенно императрицѣ. Въ короткое время онъ сдѣлался изъ ротмистра — генераломъ! Ничего не имѣя — владѣльцемъ мѣстечка Шклова, разныхъ деревень съ заводами и фабриками и 12-ти тысячъ душъ крестьянъ. Умерла императрица Екатерина II, и все перемѣнилось. Зоричъ очутился въ отставкѣ, хотя и жилъ бариномъ, давая пріютъ многимъ тоже отставнымъ генераламъ, особенно сербамъ. Онъ непрерывно давалъ балы, обѣды, балеты, концерты и

проч. Въ числѣ гостей бывали и кадеты, при прощаніи всякій разъ получавшіе конфекты, а иногда, по примѣру пажей, грабившіе десертный столъ. Зоричъ никогда не былъ женатъ, ведя себя однако въ родѣ видинскаго паши и имѣя сераль изъ балетныхъ дѣвушекъ.

Однажды кадеты старшаго возраста были заподозрѣны въ сношеніяхъ съ балетчицами. По возвращеніи изъ манежа кадеты были арестованы и посажены въ карцеръ. Про нихъ забыли, и они, наконецъ, потеряли терпѣніе. Однажды Зоричу вздумалось пріѣхать въ корпусъ и, проходя въ парадную залу, случайно заглянуть на балконъ. Тамъ кадетъ К. дѣлалъ то, что дозволяется дѣлать только въ особыхъ мѣстахъ. Оба—и Зоричъ, и К.—были до крайности удивлены. Виноватому нечего было медлить; онъ наскоро оправился и кубаремъ проскочилъ у Зорича между ногъ. Кричали: «держи!», но поймать не могли: проворенъ былъ К. Приказано было вывести весь корпусъ на перекличку. Семенъ Гаврилычъ (Зоричъ) говорилъ, что виноватаго онъ сейчасъ узнаетъ по прескверной рябой рожѣ. Роты вывели въ залъ; началась перекличка; вызваны были сначала самые большіе кадеты. Зоричъ вспомнилъ про арестованныхъ, раскричался и потребовалъ для нихъ розогъ. Арестованные кадеты были весьма великовозрастны; они носили кирасирскую форму, каски, палаши и ботфорты. Зоричъ бросился на нихъ съ кулаками. Первый изъ арестованныхъ хладнокровно напомнилъ ему, что онъ такой же дворянинъ и бить себя не позволитъ, и когда за этими словами получилъ ударъ, то отвѣчалъ тѣмъ же. Тутъ всѣ арестованные, кто чѣмъ попало, начали бить своего начальника въ глазахъ цѣлаго корпуса. Изъ фронта вышло нѣсколько буйныхъ головъ съ намѣреніемъ поколотить офицеровъ и учителей... Но вся эта траги-комедія кончилась лишь пустымъ шумомъ и бѣгствомъ въ разныя стороны. Послѣдовало раскаяніе бунтовщиковъ, добровольно отдавшихся подъ арестъ. Сначала ихъ хотѣли было всѣхъ перепороть для назиданія передъ всѣмъ корпусомъ, но по просьбѣ родителей и родственниковъ согласились на порку домашнюю и больше волоска не тронули. Всѣхъ ихъ въ свое время выпустили въ офицеры, и правительство ничего не узнало. Тогда помнили пословицу: сору изъ избы не выносить. Да и Зоричъ, не смотря на пылкость своего характера, былъ человѣкъ рѣдкой доброты. Одинокій иностранецъ, онъ не зналъ, какъ достойно возблагодарить свою благодѣтельницу-государыню за блага, на него излитыя, и пожертвовалъ свое состояніе на учрежденіе Шкловскаго корпуса. Комплектъ кадетъ сначала былъ 150, а затѣмъ 300 человѣкъ. Изъ питомцевъ этого корпуса многіе съ теченіемъ времени прославились на высокихъ постахъ. По смерти Зорича, рано умершаго въ чахоткѣ, былъ назначенъ директоромъ Вильг. Карл. Кетлеръ.

Въ царствованіе императора Павла I выпуски кадетъ въ офицеры были многочисленны. Тогда не смотрѣли—конченъ ли курсъ наукъ. Такъ, къ сожалѣнію, случилось и со мною. Въ 1802 году весь корпусъ былъ поставленъ во фронтъ для назначенія по экстренному повелѣнію къ производству въ офицеры 60 человѣкъ. Директоръ съ инспекторомъ и ротные командиры ходили и назначали по списку, на взглядъ. 60 человѣкъ никакъ не набиралось, а повелѣніемъ шутить нельзя было! Я ростомъ былъ высокъ не по лѣтамъ, и надобно же было случиться, чтобы директоръ, подойдя ко мнѣ, уронилъ свой карандашъ, а я расторопно поднялъ его; посмотрѣвъ на меня, директоръ спросилъ по-французски инспектора о моихъ успѣхахъ въ наукахъ, и когда тотъ отозвался несовсѣмъ одобрительно, надо мною поставили NB. Въ концѣ концовъ, и меня все-таки назначили къ производству, ибо 60 человѣкъ не набралось. Пока ходило наше представленіе, императоръ Павелъ I скончался и нашъ выпускъ не состоялся; мы должны были просидѣть въ корпусѣ еще около 2-хъ лѣтъ.

Кадеты очень любили Кетлера за его ласковое обращеніе и за уничтоженіе излишнихъ суровостей. Прежде розги были самымъ употребительнымъ наказаніемъ. Директоръ, инспекторъ, ротные начальники, учителя—всѣ сѣкли безпрестанно и сѣкли ужасно. Въ стѣнахъ корпуса почти несмолкаемо раздавались страдальческіе вопли истязуемыхъ. Но многіе кадеты считали стыдомъ кричать и стойко, безмолвно выносили сотни ударовъ розгами, даже гордясь этимъ. Кетлеръ прекратилъ эту тиранію, и безъ его разрѣшенія никто не могъ наказывать розгами и то не сотнями, а 10, 15, 25 и не болѣе. Кадеты вымѣщали свою злобу пасквилями на своихъ мучителей, каррикатурами и надписями на стѣнахъ. Полиціймейстеръ бѣгалъ изъ корридора въ корридоръ и только успѣвалъ счищать.

Одежда кадетъ состояла изъ темнозеленаго мундира, желтыхъ короткихъ панталонъ, чулокъ и башмаковъ съ пряжками, которые въ строю замѣнялись штиблетами. Первая рота носила гренадерскіе колпаки, а всѣ остальные треугольныя шляпы. Прическа съ пудреною косою была предметомъ немалыхъ нашихъ заботъ. Кормили сытно, хотя и незатѣйливо—все больше щами да кашей съ свинымъ саломъ и ржаными булками. Спали мы на кожаныхъ тюфякахъ, набитыхъ соломою, при одной подушкѣ, покрывались байковымъ одѣяломъ.

Въ 1802 году государь Александръ Павловичъ посѣтилъ нашъ корпусъ. Онъ былъ въ классахъ, осматривалъ чертежи, дѣлалъ ученье и, обойдя всѣ камеры, былъ у нашего стола. Ему понравились въ корпусѣ порядокъ и чистота. О посѣщеніи государя наше начальство узнало незадолго, и такъ какъ въ небольшомъ городѣ трудно было найти достаточно рабочихъ для подновленія

и подкрашенія стѣнъ, то кадеты, изъ любви къ Кетлеру, сами бѣлили потолки, красили стѣны и все вообще приводили въ порядокъ.

Впослѣдствіи добрѣйшій Кетлеръ, гонимый своими врагами, попалъ за корыстолюбіе подъ судъ, потерялъ службу и умеръ въ нищитѣ. Онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ потомковъ герцоговъ курляндскихъ. Въ Петербургѣ отставной Кетлеръ и его жена жили исключительно на заработокъ своей красавицы-дочери, которая давала уроки на фортепьяно и гитарѣ.

Въ 1806 году Шкловскій корпусъ былъ переведенъ въ Смоленскъ, а затѣмъ подъ грозой Отечественной войны, въ Кострому и, наконецъ, въ Москву. Здѣсь онъ былъ переименованъ въ Первый Московскій.

II.

Въ 1803 году 23-го октября я, наконецъ, былъ произведенъ въ прапорщики въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Я отправился на Кавказъ, въ Георгіевскъ, гдѣ былъ штабъ полка. Заѣзжая по дорогѣ къ нѣкоторымъ роднымъ, я не могу не упомянуть о дядюшкѣ моемъ, Алек. Степ. Казинѣ, орловскомъ и тульскомъ помѣщикѣ, отличавшемся необычайной силой: онъ поднималъ одною рокою 12 пудовъ. Росту онъ былъ 2 аршинъ и 13 вершковъ, толщины необъятной. Онъ былъ кавалергардомъ и какъ-то разъ попалъ въ Гатчину къ Наслѣднику. При восшествіи на престолъ Павла I отъ всѣхъ сверстниковъ моего дядюшки велѣно было отобрать отзывы, куда они пожелаютъ быть опредѣлены. Нѣкоторые записались въ армейскіе полки и были отправлены туда съ повышеніемъ; другіе, посмышленнѣе, употребили фразу, что желаютъ вѣчно служить при государѣ въ гвардіи (года черезъ полтора рѣдкій изъ нихъ не былъ уже генераломъ; напр., Капцевичъ черезъ 6 лѣтъ послѣ корпуса былъ генералъ-лейтенантомъ). А мой дядя написалъ на листкѣ, что государю извѣстно, что онъ по своей тяжести въ кавалеріи служить неспособенъ потому, что никакая лошадь его не выдержитъ, а въ пѣхотѣ потому, что не можетъ ходить въ строю; потому онъ проситъ службы гражданской на родинѣ. Его произвели въ коллежскіе ассесоры съ назначеніемъ въ Орелъ городничимъ. Преданіе гласитъ, что онъ имѣлъ право писать государю лично и даже получалъ отвѣты. На всѣхъ наводилъ страхъ такой голіаѳъ-городничій. Въ досадѣ онъ поднималъ купцовъ за бороды выше своей головы и перебрасывалъ черезъ заборъ; лошадей убивалъ кулакомъ съ одного раза. Одного мѣщанина, въ чемъ-то провинившагося, городничій не хотѣлъ ударить рукою, а толкнулъ пальцемъ въ бокъ и переломилъ ему ребро. Много такихъ продѣлокъ сходило ему съ рукъ.

Георгіевскъ былъ въ то время губернскимъ городомъ, хотя это нисколько не дѣлало его лучше другихъ городовъ, черезъ которые мнѣ приходилось тогда проѣзжать: такая же невылазная грязь, немощенныя улицы, некрашенные деревянные дома. Главнокомандующимъ въ Грузіи, на кавказской линіи, и управляющимъ гражданскою частію въ губерніяхъ Астраханской, Кавказской и Грузинской, былъ знаменитый генералъ-отъ-инфантеріи, князь Пав. Дм. Циціановъ, несчастную кончину котораго въ Баку всѣ оплакивали и о которой я разскажу ниже. Командующимъ войсками кавказской линіи былъ Гр. Ив. Глазенапъ, шефъ драгунскаго полка. Глазенапъ въ скоромъ времени сдѣлалъ меня своимъ адъютантомъ. Въ первое время моего пребыванія на Кавказѣ были совершены двѣ экспедиціи въ Большую Кабарду, оба раза подъ командой генералъ-лейтенанта Глазенапа. Въ первый разъ кабардинцы вырѣзали на линіи много казаковъ, во второй разъ угнали съ линіи массу скота. Обѣ экспедиціи, конечно, были для насъ удачны.

Въ Дагестанѣ и Лизгистанѣ, областяхъ сосѣдственныхъ съ Грузіей, не смотря на всѣ мѣры, принимаемыя главнокомандующимъ, продолжалось угнетеніе грузинъ, нападенія на наши посты и задерживалась наша торговля съ Астраханью и Кизляромъ. Князь Циціановъ рѣшилъ занять крѣпость Бакинскую и смирить враждебнаго Гусейнъ-Кули-хана. 11-го января 1806 года, князь выступилъ къ Баку. Баку—торговый городъ, расположенный въ безплодной и безлѣсной долинѣ, при заливѣ Каспійскаго моря, весьма удобномъ для стоянки судовъ. Городъ обнесенъ тройною высокою каменною стѣною со рвомъ, башнями и внѣшними ретраншементами, съ каменною одеждою въ видѣ равелиновъ, построенныхъ еще императоромъ Петромъ Великимъ. Князь, расположась на пушечный выстрѣлъ, отправилъ терскаго казачьяго полка штабъ-ротмистра Филатова въ крѣпость съ письмомъ къ хану и съ предложеніемъ о сдачѣ, обѣщая неприкосновенность ихъ правъ, вѣры и имущества; если предложеніе будетъ отвергнуто, онъ угрожалъ штурмомъ за ихъ разбойничьи поступки. Ханъ Гусейнъ, принявъ посланца, приведеннаго съ завязанными глазами, по совѣщанію съ собраніемъ бековъ и старѣйшинъ (во время котораго нашъ посланецъ былъ выведенъ въ другіе покои дворца), отвѣчалъ, что городъ будетъ защищаться до послѣдняго человѣка и никогда не сдастся, что къ нему придутъ еще войска дагестанскія и наемные лезгины, которыхъ онъ ждетъ съ часу-на-часъ. Собравшійся у дворца народъ, узнавъ объ отвѣтѣ хана, выражалъ свое одобреніе неистовыми криками, проводивъ посланца весьма непріязненно. Загремѣла съ обѣихъ сторонъ артиллерія, ружейная пальба тоже не умолкала. При появленіи нашихъ за водою или въ окрестныхъ деревняхъ за дровами и фуражемъ случались кровопролитныя

стычки. Къ намъ былъ привезенъ моремъ провіантъ, овесъ и штурмовыя лѣстницы.

Ханъ, между тѣмъ, частнымъ образомъ велъ переговоры, показывая, что онъ якобы расположенъ сдать крѣпость. Онъ увѣрялъ князя въ своей личной пріязни, затягивая дѣло и поджидая вспомогательнаго войска. Князь, однако, серьезно готовился къ штурму и его трудно было обмануть. Будучи природнымъ грузиномъ, онъ зналъ азіатцевъ, какъ самого себя.

Наконецъ, ханъ объявилъ, что, по зрѣломъ обсужденіи дѣла въ собраніи бековъ, не находитъ болѣе возможности ожидать штурма и сдаетъ крѣпость русскимъ. При этомъ онъ просилъ, чтобы, щадя его въ глазахъ народа, избавилъ отъ стыда публично подносить ключи города и признавать себя плѣнникомъ, а дозволилъ бы на половинѣ пути между крѣпостью и форштадтомъ съѣхаться безоружнымъ и здѣсь совершитъ поднесеніе ключей; затѣмъ князь пусть отправитъ войска для занятія воротъ и караула въ городѣ, а хана отпуститъ.

Князь весьма обрадовался такому извѣстію и отдалъ приказаніе къ 9 часамъ утра особому отряду занять форштадтъ и сдѣлать нарядъ въ городовой караулъ. Полковникъ князь Эристовъ и маіоръ Тарасовъ предостерегали князя Циціанова, что ханъ умышляетъ что-то недоброе, что это замѣтили они, бывши въ городѣ и подслушавши въ собраніи бековъ и старѣйшинъ двусмысленныя и подозрительныя выраженія. Но князь, проникнутый всегда рыцарскимъ благородствомъ, вознегодовалъ и выслалъ ихъ отъ себя. Братъ и племянникъ князя и другіе преданные ему люди умоляли не подвергать себя опасности, но онъ остался непреклоннымъ.

Рано утромъ князь Павелъ Дмитріевичъ вышелъ къ собравшемуся генералитету въ полной парадной формѣ, объясняя, что ему слѣдуетъ быть такъ одѣтымъ, ибо онъ принимаетъ городъ и его ключи въ лицѣ государя императора. По тогдашнему обычаю, поданъ былъ завтракъ, пили водку, и князь противъ обыкновенія налилъ себѣ большую рюмку; затѣмъ обошелъ кругомъ турій рогъ съ кахетинскимъ... Всѣ поѣхали на пустой форштадтъ, предварительно занятый нашимъ отрядомъ. Форштадтъ былъ расположенъ отъ города на разстояніи саженей 200. Родные князя опять упрашивали его не ѣздить или позволить имъ сопровождать его, но то и другое было безуспѣшно. Князь былъ, повидимому, бодръ и спокоенъ. Князь Эристовъ, зная языки персидскій и татарскій, долженъ былъ замѣнять переводчика.

Въ 9 часовъ утра главнокомандующій выѣхалъ на назначенный пунктъ къ колодезю; пѣшій гребенскій казакъ безъ оружія шелъ сзади для принятія лошадей. Ворота города были заперты, а по стѣнамъ стояло войско. Ханъ не показывался. Князь приказалъ Эристову съѣздить и напомнить хану, что ему, князю, какъ

дѣйствующему въ лицѣ императора, неприлично долѣе ожидать. Но въ этотъ моментъ изъ крѣпости выѣхали Гусейнъ-бекъ и городовой старѣйшина или комендантъ, калабеги съ ключами города и хлѣбомъ солью, объявляя, что ханъ опасается нашихъ войскъ и самъ быть не можетъ. Главнокомандующій отвѣчалъ, что если ханъ сомнѣвается въ насъ, то пусть выѣзжаетъ съ 1000 своихъ воиновъ, а онъ будетъ одинъ съ княземъ Эристовымъ, своимъ переводчикомъ. Князь Циціановъ, кромѣ того, замѣтилъ, что вернется опять къ хану не иначе какъ съ лѣстницами; при этомъ онъ возвратилъ ключи и хлѣбъ соль, прибавивъ, что онъ приметъ ихъ только изъ рукъ самаго хана. Въ это время отворилась калитка и вышелъ ханъ, сопровождамый двумя гайдуками, вооруженными съ ногъ до головы. Эристовъ напомнилъ хану, что вооруженными гайдуками нарушается условіе сдачи города; ханъ же на это отвѣтилъ:

— Вы и князь знаете азіатскіе обычаи, что тѣлохранители никогда не оставляютъ того, кому служатъ, и явиться безъ оружія имъ все равно, что потерять честь. Поѣзжайте и успокойте князя, а я безоружный поѣду самъ къ нему навстрѣчу.

Это было исполнено. Ханъ приблизился и главнокомандующій сошелъ съ лошади. Вниманіе войска было напряжено. Воцарилась мертвая тишина... Ханъ подалъ на блюдѣ ключи города и дружественно облобызался съ княземъ. Чего кажется еще желать?.. Но лишь князь освободился изъ объятій хана, какъ два всадника, подъѣхавшіе въ это время изъ города, разомъ въ упоръ выстрѣлили въ князя и мгновенно обезглавили его кинжалами, успѣвъ даже ограбить всѣ брилліанты и отрѣзать палецъ вмѣстѣ съ перстнемъ... Толпа конницы съ крикомъ выскочила изъ города и, окруживъ хана и убитаго, бросилась въ крѣпостные ворота. Князь Эристовъ преслѣдовалъ хана, осыпая его укоризнами за неслыханное злодѣйство. Ханъ и его велѣлъ пристрѣлить... Съ крѣпости загремѣла пушечная и ружейная пальба по форштадту. Наши хотя и отвѣчали, порываясь на штурмъ, но внезапное несчастіе потерять такого начальника, какъ князь Циціановъ, слава котораго никогда не померкнетъ на Кавказѣ, повергнуло всѣхъ въ крайнее разстройство. Отрядъ съ форштадта отступилъ въ лагерь.

Вскорѣ были взяты безъ выстрѣла Дербентъ и Куба; затѣмъ подъ командой Глазенапа выступили къ Баку. Переходъ отъ Кубы къ Баку былъ очень труденъ. Здѣсь тянется степное пространство, непроходимое въ дождливое время вслѣдствіе илистой почвы. Была дорога по горамъ, но она трудна для обозовъ. Кругомъ ни лѣса, ни кустарника; бурьянъ служилъ намъ дровами. Кое-гдѣ виднѣлись опустѣлыя деревни. Поля были засѣяны сорочинскимъ пшеномъ, которое было уже убрано. Обыкновеніе напускать воду на пашни по иловатому грунту дѣлаетъ ихъ недоступными. До-

рога, оставленная между пашнями, узка и не вездѣ черезъ канавы есть мосты; особенная бѣда была съ артиллеріею и обозами съ лошадьми, изнуренными безкормицей. Изрѣдка мы находили кучи обмолоченнаго проса и набирали его для людей и лошадей. Солдаты толкли просо, сдѣлавъ въ землѣ ямку, провѣвали въ рукахъ и варили кашу. При нашемъ приближеніи, ханъ, предчувствуя неминучую бѣду, бѣжалъ моремъ, оставивъ городъ на произволъ. Баку сдался намъ безъ всякаго сопротявленія 3-го октября 1806 года.

Въ 1808 году, вслѣдствіе разлада, возроставшаго съ графомъ Гудовичемъ, новымъ главнокомандующимъ вмѣсто князя Циціанова, Глазенапъ перевелся съ Кавказа въ Сибирь инспекторомъ сибирскихъ войскъ и начальникомъ сибирскихъ линій. Глазенапъ предложилъ мнѣ быть его адъютантомъ.

III.

Войска квартировали въ Омскѣ, въ которомъ мнѣ пришлось прослужить въ продолженіе двадцати лѣтъ. Я пріѣхалъ въ Омскъ раньше Глазенапа. Штабовъ тогда никакихъ не существовало и вся инспекторская, пограничная часть легла на меня. По пріѣздѣ въ Омскъ Глазенапъ въ скоромъ времени принялся за переформированіе сибирскихъ полковъ, и съ отчетомъ объ этомъ я ѣздилъ два раза въ Петербургъ, къ графу Аракчееву. Въ 1833 году, вслѣдствіе мучительной боли въ боку, разбитомъ при несчастномъ паденіи съ лошади, и вмѣстѣ съ тѣмъ страшной хандры отъ сибирскаго однообразія, я рѣшился оставить службу въ Сибири и переѣхать на житье въ Петербургъ. Но, къ сожалѣнію или къ счастью, судьба рѣшила совершенно иначе...

По пріѣздѣ въ Петербургъ начались мои представленія—коменданту Башуцкому, дежурному генералу Клейнмихелю и военному министру графу Чернышеву. Пріемъ былъ ласковый: они и прежде знали меня по безпрестаннымъ сношеніямъ по службѣ. У меня дѣла шли какъ часы: что̀ получено, то съ первой почтой и исполнено. У развода въ Михайловскомъ манежѣ я представлялся государю императору, потомъ великому князю Михаилу Павловичу и наслѣднику цесаревичу. Въ день Рождества Христова былъ въ Зимнемъ дворцѣ на выходѣ. На другой день я былъ у графа Чернышева. Графъ засыпалъ меня вопросами по службѣ и такъ дѣльно и подробно разспрашивалъ, переходя отъ одного предмета къ другому, что удивилъ меня. Между прочимъ, я упомянулъ, что цѣль моего пріѣзда въ Петербургъ—намѣреніе просить о переводѣ изъ Сибири на службу, по усмотрѣнію, куда угодно, что, прослужа тамъ 25 лѣтъ, я имѣю право просить объ этомъ, тѣмъ болѣе, что

сыновья воспитываются въ Петербургѣ и на рукахъ дочь невѣста, да 80-лѣтняя старуха мать, требующая моихъ попеченій. Графъ отвѣчалъ мнѣ:

— Помилуйте! Да это невозможно! Вы нужны тамъ; вы знаете край, да и служить всѣ обязаны тамъ, куда назначатъ.

Но я убѣдительно повторилъ свою просьбу, и откланялся.

Черезъ нѣсколько дней военный министръ, увидѣвъ меня въ его канцеляріи, сказалъ, что государь вскорѣ потребуетъ меня къ себѣ; тоже подтвердилъ и Клейнмихель, прибавивъ, что такъ какъ записка обо мнѣ лежитъ у государя въ кабинетѣ на столѣ, то требованіе можетъ послѣдовать вдругъ, совершенно неожиданно. Послѣ двухъ недѣль нетерпѣливаго ожиданія, я былъ, наконецъ, извѣщенъ съ вечера фельдъегеремъ, что на другой день, въ 3 часа пополудни, я долженъ явиться въ Зимній дворецъ.

Безъ десяти минутъ 3 часа я былъ уже во дворцѣ. Меня провели наверхъ каммеръ-фурьеры, сдавая одинъ другому, и, наконецъ, привели въ ротонду, откуда открывался превосходный видъ на Адмиралтейство и на взморье. Здѣсь ожидалъ представленія также и министръ финансовъ царства Польскаго Фурманъ. Ко мнѣ подошелъ человѣкъ въ денщичьемъ мундирѣ и, подробно распрося фамилію, чинъ, мѣсто служенія, сказалъ, что тотчасъ доложитъ государю. Я не видѣлъ ни дежурныхъ генералъ-адъютантовъ, ни флигель-адъютантовъ. Минутъ черезъ пять явился тотъ же денщикъ, прося слѣдовать за нимъ, и повелъ меня опять внизъ, въ довольно темную комнату, слабо освѣщенную лампами и топившимся каминомъ. Здѣсь, изъ-за ширмъ, вышелъ дежурный камердинеръ, опять опросившій меня и доложившій обо мнѣ. У дверей стояли арабы и дворцовые гренадеры. Вся прислуга показалась мнѣ чрезвычайно вѣжливою и предупредительною. За этой прихожей былъ небольшой залъ, изъ котораго шли двери въ кабинетъ государя; двери кабинѣта были заставлены ширмами, и въ этотъ залъ никто не смѣлъ войти безъ доклада камердинера.

Вскорѣ меня потребовали къ государю. Только-что я переступилъ порогъ зала, какъ его величество показался изъ кабинета. Онъ былъ въ измайловскомъ сюртукѣ, застегнутомъ только на верхнюю пуговицу, безъ эполетъ. Мѣрными шагами государь прошелъ по залу въ амбразуру окна. Ласково отвѣтивъ на мой поклонъ, онъ прислонился спиною къ углу амбразуры и началъ меня разспрашивать о состояніи войскъ, о корпусномъ командирѣ, собирается ли онъ пріѣхать сюда, о ружьяхъ и этапахъ,—исправно ли водятъ партіи ссыльныхъ. При этомъ государь разсказалъ, какъ здѣсь на заставѣ поймали картожника, бѣжавшаго изъ Сибири. Я отвѣчалъ, что съ этаповъ убѣжать почти невозможно и что каторжникъ сбѣжалъ вѣроятно съ заводскихъ работъ.

— Каково ведутъ себя государственные преступники?—спросилъ государь.

— Очень одобрительно, ваше величество,—отвѣчалъ я:—ни одинъ ни въ чемъ предосудительномъ не замѣченъ; а что у нихъ на сердцѣ, отъ насъ закрыто.

Кромѣ того, я осмѣлился прибавить, что ссыльныхъ изъ простого народа Сибирь можетъ принять еще больше теперешняго: они, дѣлая преступленія иногда по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, благоговѣютъ передъ предержащей властью. Но политическихъ преступниковъ нужно было бы водворять въ другіе края Россіи.

Государь изволилъ со вниманіемъ выслушать мое замѣчаніе и отвѣчалъ:

— Да это такъ, но они успѣваютъ входить въ связи съ начальствомъ (тогда былъ доносъ въ этомъ родѣ на Иркутскъ); ихъ близко держать невозможно; мнѣ этого еще никто не говорилъ.

Сказано не въ упрекъ мнѣ за смѣлую выходку, а относилось вѣроятно къ мѣстному начальству.

— Ты хочешь,—продолжалъ государь,—оставить службу въ Сибири? Послушайся меня, поѣзжай опять туда: ты хорошо знаешь край и тебя всѣ любятъ... Я берусь устроить положеніе твоей матушки, къ которой ты по просухѣ заѣзжай, и вообще о нуждахъ твоихъ объясни графу Александру Ивановичу—я буду имѣть тебя въ виду. Прощай!—Съ этими словами государь изволилъ было направиться къ дверямъ кабинета, но вдругъ, остановясь посрединѣ зала, проговорилъ:—я можетъ быть у васъ буду, это оттуда зависитъ—и показалъ при этомъ рукою на небо.—Можетъ быть суждено и моему Александру Николаевичу...

Дѣйствительно это такъ и случилось, къ благополучію отдаленной страны.

Дежурный генералъ на другой день сказалъ, что мнѣ назначена аренда въ 1200 руб. сер. въ годъ. По приказанію государя я приготовилъ записку графу Александру Ивановичу и въ канцеляріи военнаго министерства хотѣлъ было подать ее, но онъ упредилъ меня, объявивъ, что его величество пожаловалъ мнѣ на проѣздъ въ Сибирь 10.000 руб. ассигнаціями. Послѣ такихъ монаршихъ щедротъ записку свою я задвинулъ подальше за мундиръ.

На третій день я представлялся государю во время развода, чтобы поблагодарить за награду и откланяться по случаю отъѣзда въ Сибирь. Государь, милостиво принявъ меня, изволилъ сказать, чтобы завтра въ 3 часа я былъ у него. Здѣсь же я представлялся и его высочеству наслѣднику.

На другой день, въ назначенное время и тѣмъ же порядкомъ, я былъ принятъ въ той же комнатѣ. Государь изволилъ сказать:

— Корпусный командиръ долженъ пріѣхать сюда. Ты при-

мешь управленіе и тебѣ нужно поспѣшить въ корпусную квартиру. Поѣзжай въ артиллерійскій департаментъ и осмотри тамъ ружья, доставленныя изъ Англіи, сообрази—въ состояніи ли вы своими мастеровыми передѣлать помпольныя трубки по нашему образцу, и доложи обо всемъ графу Александру Ивановичу. Необходимо, чтобы ружья у васъ были исправны. Они давно были бы отправлены, но братъ Михаилъ Павловичъ остановился за дорогою перевозкою.

Чтобы успокоить государя я осмѣлился сказать ему, что въ цѣломъ корпусѣ, кромѣ двухъ горныхъ баталіоновъ, недавно еще причисленныхъ къ корпусу, ружья совершенно исправны; хотя они и не новы, ибо передѣланы изъ французскихъ, но весьма надежны; да и въ горные баталіоны везутся изъ Московскаго арсенала такія же, и, какъ мнѣ извѣстно, транспортъ находится уже въ Казани. Но государь не отмѣнилъ своего приказанія объ осмотрѣ англійскихъ ружей. Много было еще другихъ служебныхъ вопросовъ и особенно о казакахъ. По окончаніи разговора, государь обнялъ меня, трижды поцѣловалъ и, пожавъ выразительно руку, удалился въ кабинетъ. Пока государь уходилъ, я стоялъ на одномъ мѣстѣ какъ вкопанный; потомъ я тихо вышелъ въ пріемную, гдѣ нашелъ графа Алексѣя Ѳедоровича Орлова. Очарованный ласкою государя, я сказалъ ему, что готовъ въ это мгновеніе ѣхать не только въ Сибирь, а куда угодно. На вторичное предложеніе ѣхать въ Сибирь, я отвѣчалъ его величеству, что осыпанный его милостями, готовъ служить и на краю свѣта. Онъ съ улыбкою замѣтилъ:

— Да и это не близко!

Признаюсь, отъ всего случившагося со мною—я былъ въ восторгѣ. На глазахъ закипали слезы и я, сидя въ каретѣ, крестился и долго мысленно молился, повторяя:

— Слава тебѣ, Боже! Слава тебѣ, Боже!

Счастіе мое было бы совершенно, если бы я былъ здоровъ и если бы мнѣ не наскучила Сибирь... . . . . .

С. Броневскій.